

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков

Хвала тебе, Ай-Петри великан,
В одежде царственной из сосен!
Взошел сегодня на твой мощный стан
Штабс-капитан в отставке Просин!
Из какого-то рассказа
НЕВРАСТЕНИЯ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Улицы начинают казаться слишком пыльными. В трамвае сесть нельзя – почему так мало трамваев? Целый день мучительно хочется пива, а когда доберешься до него, в небо вонзается воблина кость и, оказывается, пиво никому не нужно. Теплое, в голове встает болотный туман, и хочется не моченого гороху, а ехать под Москву в Покровское-Стрешнево.

Но на Страстной площади, как волки, воют наглцы с букетами, похожими на конские хвосты.

На службе придираются: секретарь – примазавшаяся личность в треснувшем пенсне – невыносим[1]. Нельзя же в течение двух лет без отдыха созерцать секретарский лик!

Сослуживцы, людишки себе на уме, явные мещане, несмотря на портреты вождей в петлицах.

Домоуправление начинает какие-то асфальтовые фокусы, и мало того, что разворотило весь двор, но еще на это требует денег. На общие собрания идти не хочется, а в «Аквариуме» какой-то дьявол в светлых трусиках ходил по проволоке, и юродство его раздражает до невралгии.

Словом, когда человек в Москве начинает лезть на стену, значит, он dospел, и ему, кто бы он ни был – бухгалтер ли, журналист или рабочий, – ему надо ехать в Крым.

В какое именно место Крыма?

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ЗАГАДКА

– Естественно, в Коктебель, – не задумываясь, ответил приятель. – Воздух там, солнце, горы, море, пляж, камни. Карадаг, красота!

В эту ночь мне приснился Коктебель, а моя мансарда на Пречистенке показалась мне душной, полной жирных, несколько в изумруд отливающих мух.

– Я еду в Коктебель, – сказал я второму приятелю.

– Я знаю, что вы человек недалекий, – ответил тот, закуривая мою папиросу.

– Объяснитесь?

– Нечего и объясняться. От ветру сдохнете.

– Какого ветру?

– Весь июль и август дует, как в форточку. Зунд.

Ушел я от него.

– Я в Коктебель хочу ехать, – неуверенно сказал я третьему и прибавил: – Только прошу меня не оскорблять, я этого не позволю.

Посмотрел он удивленно и ответил так:

– Счастливец! Море, воздух, солнце...

– Знаю. Только вот ветер – зунд.

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– Кто сказал?

– Катошихин.

– Да ведь он же дурак! Он дальше Малаховки от Москвы не отъезжал. Зунд – такого и ветра нет.

– Ну, хорошо.

Дама сказала:

– Дует, но только в августе. Июль – прелесть.

И сейчас же после нее сказал мужчина:

– Ветер в июне – это верно, а июль–август будете как в раю.

– А, черт вас всех возьми!

– Никого ты не слушай, – сказала моя жена[2], – ты издергался, тебе нужен отдых...

Я отправился на Кузнецкий мост и купил книжку в ядовито-синем переплете с золотым словом «Крым» за 1 руб. 50 коп.

Я – патентованный городской чудака, скептик и неврастеник – боялся ее читать. «Раз путеводитель, значит, будет хвалить».

Дома при опостылевшем свете рабочей лампы раскрыли мы книжечку и увидели на странице 370-й («Крым». Путеводитель. Под общей редакцией президиума Моск. Физио-Терапевтического Общества и т.д. Изд. «Земли и фабрики») буквально о Коктебеле такое[3]:

«Причиной отсутствия зелени является „крымский сирокко“, который часто в конце июля и августа начинает дуть неделями в долину, сушит растения, воздух насыщает мелкой пылью, до иступления доводит нервных больных... Беспрерывный ветер, не прекращавшийся в течение 3-х недель, до иступления доводил неврастеников. Нарушались в организме все функции, и больной чувствовал себя хуже, чем до приезда в Коктебель».

(В этом месте жена моя заплакала.)

«...Отсутствие воды – трагедия курорта, – читал я на стр. 370–371, – колодезная вода соленая, с резким запахом моря...»

– Перестань, детка, ты испортишь себе глаза...

«...К отрицательным сторонам Коктебеля приходится отнести отсутствие освещения, канализации, гостиниц, магазинов, неудобства сообщения, полное отсутствие медицинской помощи, отсутствие санитарного надзора и дороговизну жизни...»

– Довольно! – нервно сказала жена.

Дверь открылась.

– Вам письмо.

В письме было:

«Приезжай к нам в Коктебель. Великолепно. Начали купаться. Обед 70 коп[4].».

И мы поехали...

В СЕВАСТОПОЛЬ!

– Невозможно, – повторял я, и моя голова моталась, как у зарезанного, и стучалась о кузов. Я соображал, хватит ли мне денег? Шел дождь. Извозчик как будто на месте топтался, а Москва ехала назад. Уезжали пивные с красными раками

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru во фраках на стеклах, и серые дома, и глазастые машины хрюкали в сетке дождя. Лежа в пролетке, коленями придерживая мюровскую попку, я рукой сжимал тощий кошелек с деньгами, видел мысленно зеленое море, вспоминал, не забыл ли я запереть комнату...

«1-с» – великолепен. Висел совершенно молочный туман, у каждой двери стоял проводник с фонарем, был до прочтения плацкарты недоступен и величественен, по прочтении – предупредителен. В окнах было светло, а в вагоне-ресторане на белых скатертях – бутылки боржома и красного вина.

Коварно, после очень негромкого второго звонка, скорый снялся и вышел. Москва в пять минут завернулась в густейший черный плащ, ушла в землю и умолкла.

Над головой висел вентилятор-пропеллер. Официанты были сверхчеловечески вежливы, возбуждая даже дрожь в публике! Я пил пиво баварское и недоумевал, почему глухие шторы скрывают от меня подмосковную природу.

– Камнями швыряют, сукины сыны, – пояснил мне служащий, изгибаясь, как змея.

В жестком вагоне ложились спать. Я вступил в беседу с проводником, и он на сон грядущий рассказал мне о том, как крадут чемоданы. Я осведомился о том, какие места он считает наиболее опасными. Выяснилось – Тулу, Орел, Курск, Харьков. Я дал ему рубль за рассказ, рассчитывая впоследствии использовать его. Взамен рубля я получил от проводника мягкий тюфячок (пломбированное белье и тюфяк стоят три рубля). Мой мюровский чемодан с блестящими застежками выглядел слишком аппетитно.

«Его украдут в Орле», – думал я горько.

Мой сосед привязал чемодан веревкой к вешалке, я свой маленький саквояж положил рядом с собой и конец своего галстука прикрепил к его ручке. Ночью я, благодаря этому, видел страшный сон и чуть не удавился. Тула и Орел остались где-то позади меня, и очнулся я не то в Курске, не то в Белгороде. Я глянул в окно и расстроился. Непогода и холод тянулись за сотни верст от Москвы. Небо затягивало пушечным дымом, солнце старалось выбраться, и это ему не удавалось.

Летели поля, мы резали на юг, на юг опять шли из вагона в вагон, проходили через мудрую и блестящую международку, ели зеленые щи. Штор не было, никто камнями не швырял, временами сек дождь и косыми столбами уходил за поля.

Прошли от Москвы до Джанкоя 30 часов. Возле меня стоял чемодан от Мерелиза, а напротив стоял в непромокаемом пальто начальник станции Джанкоя с лицом, совершенно синим от холода. В Москве было много теплей.

Оказалось, что феодосийского поезда нужно ждать 7 часов. В зале первого класса за стойкой, иконописный, похожий на завоевателя Мамай, татарин поил бессонную пересадочную публику чаем. Малодушие по поводу холода исчезло, лишь только появилось солнце. Оно лезло из-за товарных вагонов и боролось с облаками. Акации торчали в окнах. Парикмахер обрил мне голову, пока я читал его таксу и объявление:

«Кредит портит отношения».

Затем джентльмен американской складки заговорил со мной и сказал, что в Коктебель ехать не советует, а лучше в тысячу раз в Отузах. Там – розы, вино, море, комнатка 20 руб. в месяц, а он там, в Отузах, председатель. Чего? Забыл. Не то чего-то кооперативного, не то потребительского. Одним словом, он и винодел.

Солнце тем временем вылезло, и я отправился осматривать Джанкой. Юркий мальчишка, после того как я с размаху сел в джанкойскую грязь, стал чистить мне башмаки. На мой вопрос, сколько ему нужно заплатить, льстиво ответил:

– Сколько хотите.

А когда я ему дал 30 коп., завыл на весь Джанкой, что я его ограбил. Сбежались какие-то женщины, и одна из них сказала мальчишке:

– Ты же мерзавец. Тебе же гривенник следует с проезжего.

И мне:

– Дайте ему по морде, гражданин.

– Откуда вы узнали, что я проезжий? – ошеломленно улыбаясь, спросил я и дал мальчишке еще 20 коп. (Он черный, как навозный жук, очень рассудительный, бойкий, лет 12, если попадете в Джанкой, бойтесь его.)

Женщина вместо ответа посмотрела на носки моих башмаков. Я ахнул. Негодяй их вымазал чем-то, что не слезает до сих пор. Одним словом, башмаки стали похожи на глиняные горшки.

Феодосийский поезд пришел, пришла гроза, потом стук колес, и мы на юг, на берег моря.

КОКТЕБЕЛЬ, ФЕРНАМПИКСЫ И «ЛЯГУШКИ»

Представьте себе полукруглую бухту, врезанную с одной стороны между мрачным, нависшим над морем массивом, – это развороченный в незапамятные времена погасший вулкан Карадаг, – с другой – между желто-бурыми, сверху точно по линейке срезанными грядами, переходящими в мыс, – Прыжок козы.

В бухте – курорт Коктебель.

В нем замечательный пляж, один из лучших на крымской жемчужине: полоска песку, а у самого моря полоска мелких, облизанных морем разноцветных камней.

Прежде всего о них. Коктебель наполнен людьми, болеющими «каменной болезнью» [5]. Приезжает человек, и если он умный – снимает штаны, вытряхивает из них московскую-тульскую дорожную пыль, вешает в шкаф, надевает короткие трусики, и вот он на берегу.

Если не умный – остается в длинных брюках, лишающих его ноги крымского воздуха, но все-таки он на берегу, черт его возьми!

Солнце порою жжет дико, ходит на берег волна с белыми венцами, и тело отходит, голова немного пьянеет после душных ущелий Москвы.

На закате новоприбывший является на дачу с чуть-чуть ошалевшими глазами и выгружает из кармана камни.

– Посмотрите-ка, что я нашел!

– Замечательно, – отвечают ему двухнедельные старожилы, в голосе их слышна подозрительно-фальшивая восторженность, – просто изумительно! Ты знаешь, когда этот камешек особенно красив?

– Когда? – спрашивает наивный москич.

– Если его на закате бросить в воду, он необыкновенно красиво летит, ты попробуй!

Приезжий обижается. Но проходит несколько дней, и он начинает понимать. Под окном его комнаты лежат груды белые, серые и розоватые гольши, сам он их нашел, сам же и выбросил. Теперь он ищет уже настоящие обломки обточенного сердолика, прозрачные камни, камни в полосках и рисунках.

По пляжу слоняются фигуры: кожа у них на шее и руках лупится, физиономии коричневые. Сидят и роются, ползают на животе.

Не мешайте людям – они ищут фернампиксы! Этим загадочным словом местные коллекционеры окрестили красивые породистые камни. Кроме фернампиксов,

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru попадают «лягушки», прелестные миниатюрные камни, покрытые цветными глазками. Не брезгают любители и «пейзажными собаками». Так называются простые серые камни, но с каким-нибудь фантастическим рисунком. В одном и том же пейзаже на собаке может каждый, как в гамлетовском облике, увидеть все, что ему хочется.

– Вася, глянь-ка, что на собачке нарисовано!

– Ах, черт возьми, действительно, вылитый Мефистофель...

– Сам ты Мефистофель! Это Большой театр в Москве!

Те, кто камней не собирает, просто купаются, и купание в Коктебеле первоклассное. На раскаленном песке в теле рассасывается городская гниль, исчезает ломота и боли в коленях и пояснице, оживают ревматики и золотушные.

Только одно примечание: Коктебель не всем полезен, а иным и вреден. Сюда нельзя ездить людям с очень расстроенной нервной системой.

Я разъясняю Коктебель: ветер в нем дует не в мае или августе, как мне говорили, а дует он круглый год ежедневно, не бывает без ветра ничего, даже в жару. И ветер раздражает неврастеников.

Коктебель из всех курортов Крыма наиболее простенький. Т.е. в нем сравнительно мало нэпманов, но все-таки они есть. На стене оставшегося от довоенного времени помещения, поэтического кафе «Бубны», ныне, к счастью, закрытого [6] и наполовину обращенного в развалины, красовалась знаменитая надпись:

Нормальный дачник – друг природы.

Стыдитесь, голые уроды!

Нормальный дачник был изображен в твердой соломенной шляпе при галстукке, пиджаке и брюках с отворотами.

Эти друзья природы прибывают в Коктебель и ныне из Москвы, и точно в таком виде, как нарисовано на «Бубнах». С ними жены и свояченицы: губы тускло-малиновые, волосы завиты, бюстгальтер, кремовые чулки и лакированные туфли.

Отличительный признак этой категории: на закате, когда край моря одевается мглой и каждого тянет улететь куда-то ввысь или вдаль, и позже, когда от луны ложится на воду ломкий золотой столб и волна у берега шипит и качается, эти сидят на лавочках спиной к морю, лицом к кооперативу и едят черешни.

О голых уродах. Они-то самые умные и есть. Они становятся коричневыми, они понимают, что кожа в Крыму должна дышать, иначе не нужно и ездить. Нэпман ни за что не разденется. Хоть его озолоти, он не расстанется с брюками и пиджаком. В брюках часы и кошелек, а в пиджаке бумажник. Ходят раздетыми, в трусиках комсомольцы, члены профсоюзов из тех, что попали на отдых в Крым, и наиболее смысленные дачники.

Они пользуются не только морем, они влезают на скалы Карадага, и раз, проходя на парусной шлюпке под скалистыми отвесами, мимо страшных и темных гротов, на громадной высоте на козьих тропах, таких, что если смотреть вверх, немного холодеет в животе, я видел белые пятна рубашек и красненькие головные повязки. Как они туда забрались?

Некогда в Коктебеле, еще в довоенное время, застрял какой-то бездомный студент. Есть ему было нечего. Его заметил содержатель единственной тогда, а ныне и вовсе бывшей гостиницы Коктебеля и заказал ему брошюру рекламного характера.

Три месяца сидел на полном пансионе студент, прославляя судьбу, растолстел и написал акафист Коктебелю [7], наполнив его перлами красноречия, не уступающими фернампискам.

«...и дамы, привыкшие в других местах к другим манерам, долго бродят по песку в фиговых костюмах, стыдливо поднимая подошвы...»

Никаких подолов никто стыдливо не поднимает. В жаркие дни лежат обожженные и обветренные мужские и женские голые тела.

КАЧАЕТ

Пароход «Игнат Сергеев», однотрубный, двухклассный (только второй и третий класс), пришел в Феодосию в самую жару – в два часа дня. Он долго выл у пристани морAGENTства. Цепи ржаво драли уши, и вертелись в воздухе на крюках громаднейшие клубы прессованного сена, которые матросы грузили в трюм.

Гомон стоял на пристани. Мальчишки-носильщики грохотали своими тележками, тащили сундуки и корзины. Народу ехало много, и все койки второго класса были заняты еще от Батума. Касса продавала второй класс без коек, на диваны кают-компаний, где есть пианино и фисгармония.

Именно туда я взял билет, и именно этого делать не следовало, а почему – об этом ниже.

«Игнат», постояв около часа, выбросил таблицу «отход в 5 ч. 20 мин.» и вышел в 6 ч. 30 мин. Произошло это на закате. Феодосия стала отплывать назад и развернулась всей своей белизной. В иллюминаторе подуло свежестью...

Буфетчик со своим подручным (к слову: наглые, невежливые и почему-то оба пьяные) раскинули на столах скатерти, по скатертям раскидали тарелки, такие тяжелые и толстые, что их ни обо что нельзя расколотить, и подали кому бифштекс в виде подметки с сальным картофелем, кому половину костлявого цыпленка, бутылки пива. В это время «Игнат» уже лез в открытое море.

Лучший момент для бифштекса с пивом трудно выбрать. Корму (а кают-компания на корме) стало медленно, плавно и мягко поднимать, затем медленно и еще более плавно опускаться куда-то очень глубоко.

Первым взяло гражданина соседа. Он остановился над своим бифштексом на полдороге, когда на тарелке лежал еще порядочный кусок. И видно было, что бифштекс ему разонравился. Затем его лицо из румяного превратилось в прозрачно-зеленое, покрытое мелким потом.

Нежным голосом он произнес:

– Дайте нарзану...

Буфетчик с равнодушно-наглыми глазами брякнул перед ним бутылку. Но гражданин пить не стал, а поднялся и начал уходить. Его косо понесло по ковровой дорожке.

– Качает! – весело сказал чей-то тенор в коридоре.

Благообразная нянька, укачивавшая ребенка в Феодосии, превратилась в море в старуху с серым лицом, а ребенка вдруг плюхнула, как куль, на диван.

Мерно... вверх... подпирает грудобрюшную преграду... вниз...

«Черт меня дернул спрашивать бифштекс... [8]»

Кают-компания опустела. В коридоре, где грудой до стеклянного потолка лежали чемоданы, синеющая дама на мягком диванчике говорила сквозь зубы своей спутнице:

– Ох... Говорила я, что нужно поездом в Симферополь...

«И на какого черта я брал билет второго класса, все равно на палубе придется сидеть». Весь мир был полон запахом бифштекса, и тот ошутительно ворочался в желудке. Организм требовал третьего класса, т. е. палубы.

Там уже был полный разгар. Старуха армянка со стоном ползла по полу к борту. Три гражданина и очень много гражданок висели на перилах, как пустые костюмы, головы их мотались.

Помощник капитана, розовый, упитанный и свежий, как огурчик, шел в синей форме и

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
белых туфлях вдоль борта и всех утешал:

– Ничего, ничего... Дань морю.

Волна шла (издали, из Феодосии, море казалось ровненьким, с маленькой рябью) мощная, крупная, черная, величиной с хорошую футбольную площадку, порой с растрепанным седоватым гребнем, медленно переваливалась, подкатывалась под «Игната», и нос его лез... ле-ез... ох... вверх... вниз.

Садился вечер. Мимо плыл Карадаг. Сердитый и чернеющий в тумане, и где-то за ним растворялся во мгле плоский Коктебель. Прощай. Прощай.

Пробовал смотреть в небо – плохо. На горы – еще хуже. О волне – нечего и говорить...

Когда я отошел от борта, резко полегчало. Я тотчас лег на палубу и стал засыпать... Горы еще мерещились в сизом дыму.

ЯЛТА

Но до чего же она хороша!

Ночью, близ самого рассвета, в черноте один дрожащий огонь превращается в два, в три, а три огня – в семь, но уже не огней, а драгоценных камней...

В кают-компании дают полный свет.

– Ялта.

Вон она мерцает уже многоярусно в иллюминаторе.

Еще легчает, еще. Огни в иллюминаторе пропадают. Мы у подножки их. Начинается суэта, тени на диване оживают, появляются чемоданы. Вдруг утихает мерное ворчание в утробе «Игната», слышен грохот цепей. И сразу же качает.

Конечно – Ялта!

Ялта и хороша, Ялта и отвратительна, и эти свойства в ней постоянно перемешиваются. Сразу же надо зверски торговаться. Ялта – город-курорт: на приезжих, т.е., я хочу сказать, прибывающих одиночным порядком, смотрят как на доходный улов.

По спящей, еще черной с ночи набережной носильщик привел куда-то, что показалось похожим на дворцовые террасы. Смутно белеет камень, парапеты, кипарисы, купы подстриженной зелени, луна догорает над волнорезом сзади, а впереди дворец, – черт возьми!

Наверное, привел в самую дорогую гостиницу. Так и оказалось: конечно, самая дорогая. Номера в два рубля «все заняты». Есть в три рубля.

– А почему электричество не горит?

– Курорт-с!

– Ну ладно, все равно.

В окнах гостиницы ярусами Ялта. Светлеет. По горам цепляются облака и льется воздух. Нигде и никогда таким воздухом, как в Ялте, не дышал. Не может не поправиться человек на таком воздухе. Он сладкий, холодный, пахнет цветами, если глубже вздохнуть – ощущаешь, как он входит струей. Нет лучше воздуха, чем в Ялте!

Наутро Ялта встала, умытая дождем. На набережной суэта больше, чем на Тверской: магазинчики налеплены один рядом с другим, все это настезь, все громоздится и

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru кричит, завалено татарскими тубетейками, персиками и черешнями, мундштуками и сетчатым бельем, футбольными мячами и винными бутылками, духами и подтяжками, пирожными. Торгуют греки, татары, русские, евреи. Все в тридорога, все «по-курортному» и на все спрос. Мимо блестящих витрин непрерывным потоком белые брюки, белые юбки, желтые башмаки, ноги в чулках и без чулок, в белых туфельках.

МОРСКАЯ ЧАСТЬ

Хуже, чем купание в Ялте, ничего не может быть, т. е. я говорю о купании в самой Ялте, у набережной.

Представьте себе развороченную, крупнобульжную московскую мостовую. Это пляж. Само собой понятно, что он покрыт обрывками газетной бумаги. Но менее понятно, что во имя курортного целомудрия (черт бы его взял, и кому это нужно!) наклеплены деревянные, вымазанные жиденькой краской загородки, которые ничего ни от кого не скрывают, и, понятное дело, нет вершка, куда можно было бы плюнуть, не попав в чужие брюки или голый живот. А плюнуть очень надо, в особенности туберкулезному, а туберкулезных в Ялте не занимать. Поэтому пляж в Ялте и заплеван.

Само собою разумеется, что при входе на пляж сколочена скворечница с кассовой дырой и в этой скворечнице сидит унылое существо женского пола и цепко отбирает гривенники с одиночных граждан и пятаки с членов профессионального союза.

Диалог в скворечной дыре после купания:

– Скажите, пожалуйста, вы вот тут собираете пятаки, а вам известно, что на вашем пляже купаться невозможно совершенно?..

– Хи-хи-хи.

– Нет, вы не хихикайте. Ведь у вас же пляж заплеван, а в Ялту ездят туберкулезные.

– Что же мы можем поделать!

– Плевательницы поставить, надписи на столбах повесить, сторожа на пляж пустить, который бы бумажки убирал.

В ЛИВАДИИ

И вот в Ялте вечер. Иду все выше, выше по укатанным узким улицам и смотрю. И с каждым шагом вверх все больше разворачивается море, и на нем, как игрушка с косым парусом, застыла шлюпка. Ялта позади с резными белыми домами, с остроконечными кипарисами. Все больше зелени кругом. Здесь дачи по дороге в Ливадию уже целиком прячутся в зеленой стене, выглядывают то крышей, то белыми балконами. Когда спадает жара, по укатанному шоссе я попадаю в парки. Они громадны, чисты, полны очарования.

Море теперь далеко, у ног внизу, совершенно синее, ровное, как в чашу налито, а на краю чаши, далеко, далеко, – лежит туман.

Здесь, среди выложенных аллей, среди дорожек, проходящих между стен розовых цветников, приютился раскидистый и низкий, шоколадно-штучный дворец Александра III, а выше него, невдалеке, на громадной площадке белый дворец Николая II.

Резчайшим пятном над колоннами на большом полотнище лицо Рыкова[9]. На площадках, усыпанных тонким гравием, группами и в одиночку, с футбольными мячами и без них, расхаживают крестьяне, которые живут в царских комнатах. В обоих дворцах их около 200 человек.

Все это туберкулезные, присланные на поправку из самых отдаленных волостей Союза. Все они одеты одинаково – в белые шапочки, в белые куртки и штаны.

И в этот вечерний, вольный, тихий час сидят на мраморных скамейках, дышат воздухом и смотрят на два моря – парковое зеленое, гигантскими уступами – сколько хватит глаз – падающее на море морское, которое теперь уже в предвечерней мгле совершенно ровное, как стекло.

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В небольшом отдалении, за дворцовой церковью, с которой снят крест, за колоколами, висящими низко в прорезанной белой стене (на одном из колоколов выбита на меди голова Александра II с бакенбардами и крутым носом. Голова эта очень мрачно смотрит), выложенный свитский дом, а у свитского дома звучит гармоника и сидят отдыхающие больные.

Когда приходишь из Ливадии в Ялту, уже глубокий вечер, густой и синий. И вся Ялта сверху до подножия гор залита огнями, и все эти огни дрожат. На набережной сияние. Сплошной поток, отдыхающий, курортный.

В ресторанчике-поплавке скрипки играют вальс из «Фауста». Скрипкам аккомпанирует море, набегая на сваи поплавка, и от этого вальс звучит особенно радостно.

Во всех кондитерских, во всех стеклянно-прозрачных лавчонках жадно пьют холодные ледяные напитки и горячий чай.

Ночь разворачивается над Ялтой яркая. Ноги ноют от усталости, но спать не хочется. Хочется смотреть на высокий зеленый огонь над волнорезом и на громадную багровую луну, выходящую из моря. От нее через Черное море к набережной протягивается изломанный широкий золотой столб.

«У АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА»

В верхней Аутке, изрезанной кривыми узенькими улочками, вздирающимися в самое небо, среди татарских лавчонок и белых скученных дач, каменная беловатая ограда, калитка и чистенький двор, усыпанный гравием.

Посреди буйно разросшегося сада дом с мезонином идеальной чистоты, и на двери этого дома маленькая медная дощечка: «А. П. Чехов» [10].

Благодаря этой дощечке, когда звонишь, кажется, что он дома и сейчас выйдет. Но выходит средних лет дама, очень вежливая и приветливая. Это – Марья Павловна Чехова, его сестра. Дом стал музеем, и его можно осматривать.

Как странно здесь.

В этот день Марья Павловна уже показывала дом группе экскурсантов, устала, и нас водила по дому какая-то другая пожилая женщина. Неудобно показалось спросить, кто она такая. Она очень хорошо знает быт чеховской семьи. Видимо, долго жила в ней.

В столовой стол, накрытый белой скатертью, мягкий диван, пианино. Портреты Чехова. Их два. На одном – он девятиных годов – живой, со смешливыми глазами. «Таким приехал сюда».

На другом – в сети морщин. Картина – печальная женщина, и рука ее не кончена. Рисовал брат Чехова.

– Вот здесь сидел Лев Николаевич Толстой, когда приезжал к Антону Павловичу в гости. Но кроме него, сидели многие: Бунин и Вересаев, Куприн, Шаляпин, и Художественного театра актеры приезжали к нему репетировать.

В кабинете у Чехова много фотографий. Они прикрыты кисеей. Тут Станиславский и Шаляпин, Комиссаржевская и др.

Какое-то расписное деревянное блюдо, купленное Чеховым на ярмарке на Украине. Блюдо, за которое над Чеховым все домашние смеялись, – вещь никому не нужная.

С карточки на стене глядит один из братьев Чехова, задумчиво возвел взор к небу. Подпись:

«И у журавлей, поди, бывают семейные неприятности... Кра...»

Верхние стекла в трехстворчатом окне цветные: от этого в комнате мягкий и

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
странный свет. В нише, за письменным столом, белоснежный диван, над диваном картина Левитана: зелень и речка – русская природа, густое масло. Грусть и тишина.

И сам Левитан рядом.

При выходе из ниши письменный стол. На нем в скупом немецком порядке карандаши и перья, докторский молоток и почтовые пакеты, которые Чехов не успел уже вскрыть. Они пришли в мае 1904 г., и в мае он уехал за границу умирать.

– В особенности донимали Антона Павловича начинающие писатели. Приедет, читает, а потом спрашивает: «Ну как вы находите, Антон Павлович?»

А тот был очень деликатный, совестился сказать, что ерунда. Язык у него не поворачивался. И всем говорил: «Да ничего, хорошо... Работайте». Не то что Шалапин, тот прямо так и бухал каждому: «Никакого у вас голоса нет, и артистом вы быть не можете!»

В спальне на столике порошок фенацетина – не успел его принять Чехов, – и его рукой написано «рhenaл!» – и слово оборвано.

Здесь свечи под зеленым колпаком, и стоит толстый красный шкаф – мать подарила Чехову. Его в семье называли насмешливо «наш многоуважаемый шкаф», а потом он стал «многоуважаемый» в «Вишневом саду».

НА АВТОМОБИЛЕ ДО СЕВАСТОПОЛЯ

Если придется ехать на автомобиле из Ялты в Севастополь, да сохранит вас небо от каких-либо машин, кроме машин Крымкурсо. Я пожелал сэкономить два рубля и «сэкономил». Обратился в какую-то артель шоферов. У Крымкурсо место до Севастополя стоит 10 руб., а у этих 8.

Бойкая личность в конторе артели, личность лысая и европейски вежливая, в грязнейшей сорочке, сказала, что в машине поедет пять человек. Когда утром на другой день подали эту машину – я ахнул. Сказать, какой это фирмы машина, не может ни один специалист, ибо в ней не было двух частей с одной и той же фабрики, ибо все было с разных. Правое колесо было «мерседеса» (переднее), два задних были «пеуса», мотор фордовский, кузов черт знает какой! Вероятно, просто русский. Вместо резиновых камер – какая-то рвань.

Все это громыхало, свистело, и передние колеса ехали не просто вперед, а «разъезжались», как пьяные.

И протестовать поздно, и протестовать бесполезно.

Можно на севастопольский поезд опоздать, другую машину искать негде.

Шофер нагло, упорно и мрачно улыбается и уверяет, что это лучшая машина в Крыму по своей быстроходности.

Кроме того, поехали, конечно, не пять, а 11 человек: 8 пассажиров с багажом и три шофера – двое действующих и третий – бойкое существо в синей блузе, кажется, «автор» этой первой по быстроходности машины, в полном смысле слова «интернациональной». И мы понеслись.

В Гаспре «первая по быстроходности машина», конечно, сломалась, и все пассажиры этому, конечно, обрадовались.

Заключенный в трубу, бежит холоднейший ключ. Пили из него жадно, лежали, как ящерицы на солнце. Зелени – океан; уступы, скалы...

Шина лопнула в Мисхоре.

Вторая в Алушке, облитой солнцем. Опять страшно радовались. Навстречу пролетали лакированные машины Крымкурсо с закутанными в шарфы нэпманскими дамами.

Но только не в шарфах и автомобилях нужно проходить этот путь, а пешком. Тогда только можно оценить красу Южного берега.

СЕВАСТОПОЛЬ, И КРЫМУ КОНЕЦ

Под вечер, обожженные, пыльные, пьяные от воздуха, катили в беленький раскидистый Севастополь, и тут ощутили тоску: «Вот из Крыма нужно уезжать».

Автобандиты отвязали вещи. Угол на одном чемодане был вскрыт, как ножом, и красивым углом был вырван клочок из пледа. Все-таки при этой дьявольской езде машина «лизнула» крылом одну из мажар[11].

Лихие ездоки полюбовались на свою работу и уехали с веселыми гудками, а мы вечером из усеянного звездами Севастополя, в теплый и ароматный вечер, с тоскою и сожалением уехали в Москву[12].

Сентябрь 1929 г.

1 ...секретарь – примазавшаяся личность в треснувшем пенсне – невыносим. – Ср. с внешним обликом Коровьева в романе «Мастер и Маргарита».

Возможно, Булгаков имеет в виду непосредственного своего руководителя по «Гудку» Григория Гутнера (в повести «Тайному другу» – Навзикат). В это время сотрудничество с «Гудком» становится для Булгакова невыносимо тягостным, и он искал возможности расстаться с ним.

2 – Никого ты не слушай, – сказала моя жена... – Из воспоминаний Л. Е.

Белозерской: «...несмотря на „напутствие“ друга Коли Лямина, который говорил: „Ну, куда вы едете? Крым – это сплошная пошлость. Одни кипарисы чего стоят!“, – мы решили: едем все-таки к Волошину» (Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1989. С. 111).

3 ...купил книжку... «Крым»... буквально о Коктебеле такое... – Речь идет о книге: Крым: Путеводитель / Под общ. ред. И. М. Саркизова-Серазини. М., 1925. Книга сохранилась в архиве писателя (НИОР РГБ, ф. 562, к. 22, ед. хр. 7). Во многих местах текст путеводителя подчеркнут Булгаковым. Например, такие фразы: «Крымское сирокко доводит нервных больных до иступления. Люди умственного труда чувствуют ухудшение... Неудобство комнат, полное отсутствие медицинской помощи... И не могут люди с больными нервами долго по ночам гулять... Как только мраком окутывается долина, идут они в свои комнатки и спят, тревожимые страшными сновидениями».

Хорошо запомнила этот казус и Л. Е. Белозерская: «Мы купили путеводитель по Крыму д-ра Саркизова-Серазини. О Коктебеле было сказано, что природа там крайне бедная, унылая. Прогулки совершать некуда... Неприятность от пребывания в Коктебеле усугубляется еще и тем, что здесь дуют постоянные ветры. Они действуют на психику угнетающе, и лица с неустойчивой нервной системой возвращаются после поездки в Коктебель еще с более расстроенными нервами... Мы с М. А. посмеялись над беспристрастностью д-ра Саркизова-Серазини...» (Там же).

4 «Приезжайте к нам в Коктебель... Обед 70 коп.». – Речь идет об упомянутом письме М. Волошина от 28 мая 1925 г., в котором поэт сообщал и «технические сведения»: «...из Москвы почтовый поезд прямой вагон на Феодосию. Феодосия – Коктебель: линейка... или катер... Обед 60–70 копеек. Июль–август – наиболее людно...» В своих воспоминаниях Л. Е. Белозерская цитирует также «частное письмо» М. Волошина от 24 мая (письмо это пока не найдено): «Прислуги нет. Воду носить самим. Совсем не курорт. Свободное дружеское сожитие, где каждый, кто придется „ко двору“, становится полноправным членом. Для этого же требуется: радостное приятие жизни, любовь к людям и внесение своей доли интеллектуальной жизни».

5 Коктебель наполнен людьми, болеющими «каменной болезнью». – Из воспоминаний Л. Е. Белозерской: «Конечно, мы, как и все, заболели типичной для Коктебеля

„каменной болезнью“. Собирали камешки в карманы, в носовые платки, считая их по красоте „венцом творенья“, потом вытряхивали свою добычу перед Максом, а он говорил, добродушно улыбаясь:

– Самые вульгарные собаки!

Был „низший класс“ – собаки, повыше – лягушки и высший – сердолики.

Ходили на Карадаг. Впереди необыкновенно легко шел Максимилиан Александрович...» Коль скоро Булгаков даже не упомянул в своем очерке о Волошине, то представляет интерес то впечатление, которое оставил о себе поэт в памяти Л. Е. Белозерской. Вот каким он ей представился: «...перед вами стоял могучий человек, с брюшком, в светлой длинной подпоясанной рубахе, в штанах до колен, широкий в плечах, с широким лицом, с мускулистыми ногами, обутыми в сандалии. Да и бородатое лицо

Путешествие по Крыму. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru его было широколобое, широконосое. Грива русых с проседью волос перевязана на лбу ремешком, – и похож он был на доброго льва с небольшими умными глазами. Казалось, он должен заговорить мощным зычным басом, но говорил он негромко и чрезвычайно интеллигентным голосом... Скажу попутно: ничего деланного, нарочитого, наблюдая ежедневно Максимилиана Александровича в течение месяца, мы не заметили. Наоборот, он казался естественно-гармоничным, несмотря на свою экстравагантную внешность...» (Там же. С. 111–112).

6 ...оставшегося от довоенного времени помещения, поэтического кафе «Бубны», ныне, к счастью, закрытого... – Булгаков, видимо, знал (или ему рассказали в Коктебеле) предысторию этого знаменитого кафе, открытого летом 1912 г. греком Синопли как примитивный балаган, но усилиями приезжавших на отдых художников и поэтов превращенного в достопримечательность: все его стены были разрисованы и «расписаны» различными веселыми надписями, а название «Бубны» ему дал художник А. В. Лентулов.

Здесь родилась и популярная песенка «Крокодила»:

По берегу ходила
Большая Крокодила,
Она, она
Зеленая была.

Кое-что из «бубновского» творчества Булгаков позаимствовал. По-видимому, из надписи «Нет лучше угощения Жорж-Бормана печенья!» родился псевдоним одной из героинь-писательниц в романе «Мастер и Маргарита» – Боцман Жорж (в других вариантах – Жорж-Боцман). Так, в незавершенной рукописи романа (предположительно первой половины 1937 г.) читаем: «Богатая некогда купеческая наследница Настасья Савишна Непременова, ставшая военно-морской романисткой и подписавшаяся „Боцман Жорж“, была в засаленной шелковой блузочке и черной кривой юбке...»

7 ...застрял какой-то бездомный студент... написал акафист коктейлю... – Булгаков имеет в виду писателя-врача С. Я. Елпатьевского (1854–1933), написавшего великолепные «Крымские очерки» (1913). Подробнее см.: Виленский Ю. Г. и др. С. 18–20.

8 «Черт меня дернул спрашивать бифштекс...» – Из воспоминаний Л. Е. Белозерской: «М. А. сказал, что надо, во избежание морской болезни, плотно поесть. Мы прошли в столовую парохода. Еще у причала его уже начало покачивать...

– Начинается, – зловещим голосом сказал М. А.

Прозвучал отходный гудок... М. А. сказал:

– Если качка носовая, надо смотреть вот в эту точку. А если бортовая – надо смотреть вот туда.

– О, да ты морской волк! С тобой не пропадешь, – сказала я и побежала по пароходу. Много народу уже полегло. Я чувствовала себя прекрасно и поступила в распоряжение помощника капитана... Он кричал:

– Желтенькая! (Я была в желтом платье.) Сюда воды! Желтенькая, скорее!

Было и смешное. Пожилая женщина лежала на полу на самом ходу. Помощник капитана взял ее под мышки, а я за ноги, чтобы освободить проход. Женщина открыла мутные глаза и сказала с мольбой:

– Не бросайте меня в море...

Я прошла проведать своего „морского волка“. Он сидел там, где я его оставила.

– Макочка, – сказала я ласково, опираясь на его плечо. – Смотри, смотри! Мы проезжаем Карадаг!

Он повернул ко мне несчастное лицо...» (Белозерская-Булгакова Л. Е. С. 117–118).

9 ...на большом полотнище лицо Рыкова. – Рыков Алексей Иванович (1881–1938), виднейший партийный и государственный деятель. Многие годы возглавлял правительство СССР. Репрессирован и расстрелян в 1938 г. А. И. Рыков отличался простотой в обращении и о нем в народе говорили, что он частенько злоупотреблял спиртными напитками. В дневнике Булгакова имеется несколько записей о Рыкове. Между тем А. И. Рыков сыграл положительную роль в судьбе писателя: он активно помогал К. С. Станиславскому в постановке «Дней Турбиных» и по его инициативе Булгакову были возвращены рукописи, изъятые у него сотрудниками ГПУ.

10 ...медная дощечка: «А. П. Чехов». – Музей А. П. Чехова в Ялте создавался любовно, многие годы. В нем были собраны уникальные экспонаты, редчайшие рукописи-автографы. Это был подлинный центр русской культуры. Сейчас музея уже практически нет: все лучшее, что было в музее, расхищено...

11 ...одну из мажар. – Мажара – большая крымская арба.

12 ...с тоской и сожалением уехали, в Москву. – В поезд Булгаковы сели 9 июля, а 10-го из Лозовой направили весточку Волошиным следующего содержания: «Дорогие Марья Степановна и Максимилиан Александрович, шлем Вам самый сердечный привет. Мы сделали великолепную прогулку без особых приключений. Качало несильно. В Ялте прожили сутки и ходили в дом Чехова. До Севастополя ехали автомобилем. Леоновы напугались моря в последнюю минуту. Мне очень не хочется принимать городской вид. С большим теплом вспоминаем Коктебель. Всем поклон... Л. Булгакова».

Булгаков приписал:

«На станциях паршиво. Всем мой привет».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!